

МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА

В. ИРВИНГ

Вашингтон Ирвинг Жизнь Магомета

Текст предоставлен лигагентством «Неоглори»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182959

Ирвинг В. Жизнь Магомета: Феникс; Ростов-на-Дону; 2004

ISBN 5-222-05294-X

Аннотация

Ислам – это огромный мир со своими законами, моралью, эстетическими и нравственными уложениями. Известный американский писатель В. Ирвинг (1783–1859) написал увлекательную историю жизни Магомета, которая не только рассказывает об одном из великих подвижников, но и приоткрывает завесу тайны над интересным и полным драматических событий миром ислама. Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вашингтон Ирвинг ЖИЗНЬ МАГОМЕТА

Предисловие

Предлагая читателям историю жизни Магомета, я считаю нужным предпослать небольшое объяснение ввиду того, что никаких новых фактов я не мог прибавить к уже известным. Много лет тому назад, во время моего пребывания в Мадриде, я предполагал составить ряд очерков для характеристики времени господства арабов в Испании и хотел предпослать им жизнь основателя ислама и первого виновника завоеваний, сделанных арабами. Многие частности я заимствовал из испанских источников и из перевода арабского историка Абульфеды, сделанного Ганиером, копию с которого я нашел в библиотеке иезуитов в монастыре св. Исидора в Мадриде.

Во время моего последнего пребывания в Испании я воспользовался утомительной скукой довольно продолжительного недомогания, чтобы просмотреть рукописи, пользуясь при этом разъяснениями, сделанными за последнее время различными писателями, и в особенности умным и ученым библиотекарем Гейдельбергского университета Густавом Вейлем, тщательным исследованиям которого я очень

многим обязан.¹

Таково происхождение труда, предлагаемого теперь вниманию публики и не имеющего никакой претензии на новизну сообщаемых фактов или на глубину изысканий. Он все еще носит на себе отпечаток сочинения, предназначенного для Семейной библиотеки, причем я больше всего имел в виду передать в легкой, понятной форме факты, относящиеся к жизни Магомета, и те легенды и предания, которые встречаются постоянно в восточной литературе; в то же время я старался сообщить сущность веры Магомета, насколько она может заинтересовать обычного читателя. При таких обстоятельствах я счел излишним испещрять страницы ссылками и цитатами и старался не отступать от обычной номенклатуры.

В. И. Сансейд, 1849 г.

¹ Mohammet der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Stuttgart.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предварительные сведения об Аравии и арабах

В течение длинного ряда лет, начиная с самой ранней исторической эпохи и вплоть до VII столетия Христианской эры, обширный полуостров, окруженный Красным морем, рекой Евфрат, Персидским заливом и Индийским океаном и известный под именем Аравия, оставался в прежнем неизменном виде, и события, глубоко потрясавшие остальную Азию, Европу и Африку, почти не коснулись его. В то время как царства и империи возникали и погибали, как древние династии исчезали с лица земли, как границы и населения стран изменялись, а их обитатели истреблялись или уводились в плен, — Аравия, невзирая на то, что пограничные ее области переживали некоторые перемены, сохранила в глубине своих пустынь свой первоначальный характер и свою независимость, а населявшие их кочевые племена никогда не склоняли своей главы под игом рабства.

Арабы относят предание о своей стране к самой отдаленной древности. По их словам, она заселена была вскоре после потопа потомством Сима, сына Ноя, постепенно разбившимся на несколько племен, из которых наиболее замеча-

тельными были адиты и тамудиты. Все эти первоначальные племена, по сказанию, или стерты были с лица земли в наказание за их беззакония, или же исчезли при последующих поколениях, так что относительно их остались только смутные предания и несколько страниц в Коране. О них иногда упоминается в истории Востока как о «древних первобытных арабах» или как об «исчезнувших племенах».

Уцелевшее население полуострова, по мнению тех же авторитетных источников, произошло от Катана или Иокатана, потомка Сима в четвертом колене. Его потомство распространилось по южной части полуострова и вдоль Красного моря. Яраб, один из его сыновей, основал государство Йемен, и вся территория получила название в честь его; от Яраба аравитяне производят название как себя, так и своей страны. Другой его сын, Джургам, основал царство Хеджена, где его потомки царили в течение нескольких поколений. Это тот самый народ, который оказал гостеприимство Агари и Измаилу, изгнанным из дома патриархом Авраамом. Впоследствии Измаил женился на дочери Водада, владетельного князя из рода Джургама, и, таким образом, чужеземец и еврей привился к первоначальному арабскому родословному дереву. Это доказывает мощную силу этого дерева. Жена Измаила принесла ему двенадцать сыновей, приобретших господство над страной, и их обильное потомство, разделившись на двенадцать колен, изгнало первоначальное потомство Иокатана.

Такие сведения о своем происхождении сообщают арабы, населяющие полуостров.² Христианские же писатели приводят их в доказательство исполнения завета между Богом и Авраамом. Согласно Священному Писанию, «сказал Авраам Богу: о, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим!» Бог же сказал: «И о Измаиле Я услышал тебя; вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ» (Быт. 17:18, 20). Далее в Библии упоминается об этих двенадцати князьях и о том, что они со своими племенами занимали страну «от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии» (Быт. 25:18), – область, отождествляемую библейскими географами с частью Аравии. Описание их согласуется с тем, что мы видим у современных арабов: некоторые жили в городах и укреплениях, другие – в палатках или поселках в пустыне. Наваиоф и Кидар, старшие сыны Измаила, чаще всего упоминаются как отличавшиеся богатством стад, табунов и тонкостью руна овец. От Наваиофа произошли наватеи (набатейцы), населившие каменистую Аравию, а именем Кидара в Библии называет-

² Помимо арабов, населявших полуостров, были и другие, называемые кушитами, они происходили от Куша, сына Хама. Они заселяли берега Евфрата и Персидского залива. Именем Куш часто в Священном Писании называются арабы вообще, равно как и их страна. Вероятно, к арабам этого племени принадлежат те, которые бродят и теперь по пустынным областям древней Ассирии и в последнее время привлекались для раскопок развалин Ниневии. Их иногда называют также сирийскими арабами. В нашей книге мы будем говорить только об арабах, населяющих полуостров, или о настоящих арабах.

ся иногда весь арабский народ. «Горе мне, – говорит псалмопевец, – что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских» (Пс. 119:5). Наваиоф и Кидар были, по-видимому, родоначальниками кочующих арабов, этих пастушеских племен, «свободных сынов пустыни», «народа мирного», как говорит пророк Иеремия, живущего беспечно: «ни дверей, ни запоров нет у него, живут поодиночке» (49:31).

Строгое различие возникло в самые ранние времена между арабами, «жившими в городах и укреплениях» и «жившими в палатках». Некоторые из числа первых занимали плодородные ущелья или долины, кое-где разбросанные среди гор, где эти города и укрепления окружены были виноградниками и плодовыми садами, пальмовыми рощами, хлебными полями и плодоносными пастбищами. Они вели оседлый образ жизни и занимались обработкой земли и скотоводством.

Другие же из числа их занимались торговлей и имели гавани и города вдоль Красного моря, южного берега полуострова и Персидского залива и вели заграничную торговлю на кораблях и караванах. Таковыми в особенности были арабы, населявшие Йемен, или Счастливую Аравию, эту страну пряностей, благовоний и ладана, которую поэты называли Сава (Савея, Саба, Сабея), а Священное Писание – Шеба (Шева). Они были из числа самых деятельных торговых мореплавателей восточных морей. Их корабли доставляли бальзамы с противоположного варварийского берега, золото, пряности и другие богатые и роскошные продукты из

Индии и из Тропической Африки. Все эти товары вместе с продуктами их собственной страны перевозились караванами через пустыни к полуарабским городам – Аммон, Моав, Едом или Идумея, к финикийским гаваням Средиземного моря и отсюда распространялись по странам Запада.

Верблюды назывались «кораблем пустыни», а караван можно было бы назвать ее флотом. Караваны Йемена обыкновенно снаряжались, охранялись и велись кочующими арабами, обитателями палаток, которых в силу этого можно было бы назвать пловцами пустынь. Они доставляли массу нужных верблюдов и восполняли груз тонкою шерстью своих бесчисленных стад. Из книг пророческих видно, какое важное значение в библейскую эпоху имел торговый путь, соединявший южные страны – Индию, Эфиопию и Счастливую Аравию с древней Сирией.

Иезекииль, оплакивая Тир, говорит: «Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою: ягнят, и баранов, и козлов променивали тебе. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои. Харан, и Хане, Еден,³ купцы савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою» (Иез. 27:21–23). А Исайя, обращаясь к Иерусалиму, говорит: «Множество верблюдов покроев тебя – дромадеры из Мадиама и Ефы; все они из Савы придут, принесут золото и ладан... Все овцы Кидарские будут собраны к тебе; овны

³ Харан, Хане и Еден – порты Индийского моря.

Наваифские послужат тебе»... (Ис. 60:6–7).

Арабы-земледельцы и ремесленники, обитатели городов и поселков, никогда, однако, не считались представителями истинного типа этого народа. Нравы их смягчились благодаря оседлым и мирным занятиям, и они лишились многих типичных черт вследствие сношений своих с чужестранцами. Кроме того, Йемен, как более доступный сравнительно с остальными частями Аравии, представлял больше приманок для грабителей и терпел неоднократные нападения в захваты.

Другие арабы, кочующие сыны пустынь, обитатели палаток, были гораздо более многочисленны, и в них национальный характер сильнее сохранился во всей первобытной мощи и свежести. Кочевники по своим привычкам, пастухи по занятию, они по опыту и преданию знакомы были со всеми тайными сокровищами пустынь и, ведя бродячую жизнь, переходили с места на место в поисках тех колодцев и источников, которые служили прибежищами для их предков времен патриархов; они разбивали палатки всюду, где находили финиковые деревья, служившие им тенью, и пастбища для своих стад и табунов, и перекочевывали дальше, как только истощались временные средства продовольствия.

Эти кочующие арабы разделялись и подразделялись на бесчисленные мелкие роды и семьи, имевшие каждый своего шейха или эмира, нечто вроде древнего патриарха, который у своей палатки втыкал копьё как знак своей власти.

Его власть, хотя и сохранявшаяся в течение многих лет в том же семействе, была не строго наследственной, но зависела от доброй воли рода. Его могли сменить и назначить на его место другого человека из другой семьи. Его власть была тоже ограничена и зависима от личных его достоинств и от доверия, питаемого к нему. Власть его заключалась в том, что он мог вести переговоры о войне и мире, предводительствовать своим племенем в войне против неприятеля, выбирать место для лагеря и принимать знаменитых чужестранцев. Но и в отношении этих и подобных прав он находился под контролем общественного мнения и желаний своего народа.⁴

⁴ «Летом, – пишет Буркхардт, – кочующие арабы редко остаются более трех или четырех дней на одном и том же месте; как только их скот уничтожит всю траву местечка, снабженного водой, племя пускается дальше в поисках пастбища, а когда отрастает снова там трава, она служит другому отряду. Лагери различаются количеством палаток: их бывает от шести до восьмисот; когда палаток немного, они размещаются кругом, но при более значительном, количестве они располагаются по прямой линии или рядами отдельных палаток, по три и по четыре, одна за другой, преимущественно вдоль речонки. Зимой, когда нет недостатка в воде и в пастбищах, все племя рассеивается по пустыне партиями в три или четыре палатки на расстоянии получасовой езды от одной партии до другой. Палатка шейха всегда ставится с того края поселка, с которого можно ожидать появления врагов или гостей. Предъявить отпор первым и принять вторых составляет главную обязанность шейха. Каждый отец семейства втыкает копье в землю рядом со своей палаткой и привязывает лошадь спереди. Тут отдыхают и его верблюды по ночам». (*Burckhardt. Notes on Bedouins. V. 1. P. 33*). А вот описание ассирийских арабов, хотя в значительной степени это применимо и ко всем арабам вообще: «Трудно описать картину значительного племени во время его перекочевки к новым пастбищам. Мы вскоре очутились среди обширных стад овец и верблюдов. На всем пространстве, какое мы могли окинуть взором, и справа, и слева, и впереди нас виднелись всё те же движущиеся стада. Длинные

На какое множество мелких групп ни распадалось бы племя, родственные узы тщательно оберегались в памяти всех семей. Все шейхи одного племени признавали общего главу, называемого шейхом над шейхами, который – безразлично, обитал ли он в замке, выбитом в скалах, или в палатке среди стад и табунов, – мог всегда собрать под своим знаменем все рассеянные ветви племени, признававшие общую власть.

Многочисленность этих кочующих племен, каждое со своим маленьким князьком и скудной территорией, но без общего главы, вызывала частые столкновения. К тому же месть признавалась у них почти религиозным принципом. Ответить за убийство родственника считалось обязанностью семьи, и нередко в это дело вовлекалась часть всего племени; иногда даже долг кровной мести оставался неисполненным в течение целых поколений и вызывал смертельную вражду.

Необходимость быть вечно настороже, чтобы защищать свои стада и табуны, заставляла араба приучаться с раннего

ряды ослов и быков, навьюченных черными палатками, огромными котлами и пестрыми коврами; пожилые женщины и мужчины, неспособные идти, привязаны были сверху домашнего скарба; худенькие головки детей торчали из узких отверстий мешков, приделанных к седлам; они колыхались на спинах животных и уравнивались козлятами или ягнятами, привязанными с противоположной стороны; молодые девушки в узких арабских рубашках, скорей обрисовывавших, чем скрывавших их грациозные формы; женщины с детьми на плечах; мальчики, погонявшие стада ягнят; всадники, вооруженные длинными пиками, мчавшиеся по равнине на своих быстроногих кобылицах или погоняющие своих верблюдов короткими серпообразными палками, держа своих породистых коней на поводу, и, наконец, прыгающие жеребята – такова была пестрая толпа, сквозь которую нам пришлось пробивать себе дорогу». (*Layard's Nineveh*, 1. 4).

детства к оружию. Никто не умел лучше его употреблять лук, копье и палаш, равно как и управлять конем. Но он оставался преимущественно разбойником, и, хотя иногда служил купцам, доставляя им верблюдов, проводников и погонщиков для перевозки товаров, тем не менее он более всего склонен был брать выкупы с караванов или, не стесняясь, грабить их во время утомительного шествия по пустыне. Все это он признавал законным применением своего оружия, считая корыстолюбивых сынов торговли за людей более низкой расы, приниженной жаждой и привычкой к наживе. Таковы были арабы пустыни, обитатели палаток, на которых сбылось пророчество относительно их предка Измаила: «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него...» (Быт. 16:12).

Природа как бы создала араба для этой участи. Он был легок и худ, но мускулист и деятелен, способен переносить значительную усталость и трудные переходы. Он был умерен и даже воздержан, требуя мало пищи, и притом самой простой. Его ум, как и его тело, был легок и подвижен. Он преимущественно обладал интеллектуальными свойствами семитской расы, тонкой проницательностью, остроумием, быстрой соображения и блестящим воображением. Он воспринимал все очень быстро и горячо, но у него часто менялось настроение; гордый и смелый дух сказывался в его смуглом лице и светился в его темных блестящих глазах. Можно было быстро увлечь его красноречием и очаровать прелестью поэ-

зии. Говоря на языке очень богатом, слова которого сравнивались с жемчужинами и цветами, он был оратором по природе; но он восторгался больше пословицами и остроумными изречениями, чем последовательной логической речью, и был склонен выражать свои мысли в восточном духе — нравоучительными баснями и притчами.

Неутомимый воин и грабитель, он был великодушен и гостеприимен. Раздавать подарки доставляло ему наслаждение. Дверь всегда была настежь открыта для путника, с которым он охотно делился последним куском; и его самый смертельный враг, переломив с ним хлеб, мог в полной безопасности отдыхать под кровом его палатки, считавшейся ненарушимой святыней.

Свои религиозные взгляды арабы в ту эпоху, которую они называют «днями неведения», заимствовали большей частью от сабеев и магов, религии которых преимущественно господствовали в то время на Востоке. Но больше они склонялись к сабеизму, относя начало его к Саби, сыну Сифа, который, по их мнению, вместе с отцом и его братом Энохом был схоронен в пирамидах. Другие же производят это название от еврейского слова «саба», или звезда, что указывает на то, что это была вера ассирийских пастухов, которые пасли свои стада на равнинах, расстилавшихся под безоблачными небесами, следили по ночам за движением звезд и составляли различные догадки о добром и злом влиянии их на человеческие дела; смутные их догадки халдейские философы и

жрецы возводили затем в систему, считавшуюся даже более древней, чем религия египтян.

Другие приписывали эту религию еще более высокому авторитету и утверждали, что эта религия существовала до потопа. По их мнению, она пережила потоп и поддерживалась патриархами. Эту религию будто бы исповедовали Авраам и его потомки, дети Израиля, и она освящена и подтверждена была на скрижалях законов, врученных Моисею среди грома и молний на Синайской горе.

В первоначальном виде религия сабеев была чиста и духовна; заключая в себе веру в единого Бога, она учила о возмездии за добро и зло в будущей жизни и о необходимости добродетельной и святой жизни для приобретения счастливого посмертия. Так велико было благоговение сабеев к Верховному Существу, что они никогда не произносили Его имени, никогда не дерзали приблизиться к Нему иначе, как через ангелов. Последние, по мнению сабеев, населяли и оживляли небесные светила подобно тому, как в человеческом теле обитает душа, наполняющая его жизнью. Ангелы эти обитали в религиозных небесных сферах, чтоб наблюдать над Вселенной и управлять ею по воле Верховного Владыки. Обращаясь к звездам и другим небесным светилам, сабеи не поклонялись им как божествам, но старались только умиловать обитающих на них ангелов как посредников между Богом и людьми, обращаясь через эти созданные светила к Богу, великому их Творцу.

Постепенно религия эта лишалась своей первоначальной простоты и чистоты и затемнялась таинствами, погрязая в идолопоклонстве. Сабееи, вместо того чтобы считать небесные светила за жилища посредников, поклонялись им как божествам; воздвигали грубые изображения их в священных рощах и в глубине лесов и, наконец, ставили их в своих храмах, воздавая им божеские почести. Религия сабеев претерпела разные перемены и видоизменения в различных странах, где была распространена. Долго обвиняли Египет в том, что он довел ее до самого унижительного искажения; изваяния, иероглифы и раскрашенные гробницы этой таинственной страны принимались за доказательства поклонения не только небесным силам, но и низшим животным и даже неодушевленным предметам.

Новейшие исследования и изыскания постепенно, однако, выясняют неосновательность этих обвинений против наиболее умственно развитой нации древности; и по мере того как приподнимается покров с могил Египта, все более выясняется, что все эти мнимые предметы поклонения были просто символами различных свойств Верховного Существа, имя Которого было так священно, что смертные не дерзали произносить его. У арабов же вера сабеев смешалась с дикими предрассудками и с грубым идолопоклонством.

Каждое племя поклонялось своей отдельной звезде или планете и имело своего особенного идола. Детоубийство примешалось к их религиозным обрядам, в силу чего они

стали ужасны и отвратительны. У кочующих племен рождение дочери считалось несчастьем; женщина не могла быть особенно полезна при кочующей и разбойничьей жизни, но могла навлечь бесчестье на семью, попав в плен или ведя развратную жизнь. Таким образом, поводы, вытекавшие из естественного строя жизни, примешивались к религиозным чувствам арабов и побуждали их приносить детей женского пола в жертву идолам или же зарывать их живыми.

Другая секта, магов, или гебров (огнепоклонников), тоже господствовала, как мы выше упомянули, на Востоке; она возникла в Персии, где несколько времени спустя ее учение было изложено письменно великим пророком и учителем Зороастром в книге «Зенд-Авеста». Это верование, как и вера сабеев, было вначале просто, чисто и духовно, признавая единого верховного и вечного Бога, Которым и через Которого существует весь мир. Он своим творческим словом породил два действующих начала: Ормузда – начало, или ангела света и добра и Аримана – начало, или ангела мрака и зла; оба эти начала образовали Вселенную из соединения противоположных своих свойств и ведут вечную борьбу, управляя делами мира. Отсюда перевес то добра, то зла, смотря по тому, побеждает ли ангел света или ангел мрака; эта борьба будет продолжаться до конца мира, когда настанет всеобщее воскресение и день суда; ангел мрака и его последователи будут изгнаны в обитель ужасной тьмы, а их противники войдут в блаженное царство вечного света.

Первоначальные обряды этой религии были очень просты. У магов не было ни храмов, ни алтарей, ни религиозных символов; они обращались со своими молитвами и гимнами непосредственно к Богу или к солнцу, считая его обителью божества. Они чтили это светило как жилище Бога и как источник света и тепла, из которых состоят все остальные светила, и возжигали огни на вершинах гор, чтобы не угасал свет, когда заходило солнце. Зороастр первый устроил храмы, где священный огонь, будто бы нисшедший с неба, поддерживался всегда жрецами, охранявшими его день и ночь.

Со временем и в этой секте, как и у сабеев, символ затемнил понимание божественного принципа, и последователи ее стали поклоняться свету и огню как реальным божествам и страшиться мрака как сатаны или дьявола. В своем фанатическом рвении маги готовы были хватать неверующих и бросать их в пламя для умиловления огненного божества.

В Книге Премудрости Соломона следующие прекрасные слова относятся к приверженцам этих двух сект: «Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила».

Из этих двух религий сабейская, как мы уже заметили, более господствовала среди арабов, но в значительно иска-

женном виде, смешанная у различных племен с разного рода злоупотреблениями. Религии магов придерживались преимущественно племена, которые, живя близ границ, имели частое общение с Персией, тогда как другие племена разделяли предрассудки и идолопоклонство того народа, по соседству с которым они обитали.

Иудейская вера рано проникла в Аравию, но в очень неопределенном и несовершенном виде; и однако ж многие из ее обрядов, церемоний и причудливых традиций прижились в этой стране. Впоследствии, когда Палестина была опустошена римлянами, а Иерусалим взят и разрушен, многие евреи искали убежища в Аравии, поселились среди ее коренных жителей, образовали собственные общины, приобрели плодородные участки, построили замки и крепости и достигли значительной власти и влияния.

Христианская религия тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к галатам говорит, что он, вскоре после того как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию». Распри, возникшие в восточной церкви в первой половине III столетия, образовали различные секты, из которых каждая, достигнув господства, преследовала остальные, ссылая ее членов в отдаленные земли Востока, и таким образом распри эти содействовали распространению христианства среди некоторых главных арабских племен.

Вышеприведенные обстоятельства, физические и нрав-

ственные, могут дать нам некоторое понятие о причинах, в силу которых арабы несколько столетий не претерпевали никаких резких переверотов. Их особенное положение и обширные пустыни служили им защитой от завоеваний врагами, а их внутренние раздоры и недостаток общих уз, политических или религиозных, были причиной того, что они не представляли опасности как завоеватели. Они являлись обширным сборищем отдельных частей, полных личной мощи, но нуждавшихся в общей связующей их силе. Хотя кочевая жизнь делала их отважными и деятельными, хотя большинство их было воинственно с детства, но их оружие было направлено друг против друга, и исключения составляли только некоторые пограничные племена, игравшие роль наемных войск во внешних войнах. Поэтому в то время как другие кочевые племена Центральной Азии, обладавшие небольшой воинственностью, уже в течение столетий успешно делали набеги и завоевывали цивилизованный мир, этот воинственный народ, не сознавая своей силы, оставался разьединенным и безопасным в глубине своих родных пустынь.

Настало наконец время, когда эти враждующие племена объединились одной верой и воодушевились одной общей задачей; явился мощный пророк, сплотивший эти разрозненные части, вдохновивший их одной смелой и восторженной идеей и двинувший этих титанов пустыни потрясать и пересоздавать земные царства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рождение и семья Магомета. Его детство и отрочество

Магомет, великий основатель ислама, родился в Мекке в 570 году по Р. Х. Он происходил из воинственного и значительного племени курайш, в котором существовали две ветви, происходившие от двух братьев – Хашима и Абд Шима. Хашим, прадед Магомета, был великим благодетелем Мекки. Город этот построен в бесплодной и каменистой местности и часто в прежнее время терпел нужду от недостатка в съестных припасах. В начале VI столетия Хашим установил ежегодно отправлять два каравана: один, зимой, в Южную Аравию и Йемен, другой, летом, в Сирию. Благодаря этому в Мекку обильно доставлялись всякие продукты и разнообразные товары; город превратился в торговый центр, и племя курайш, принимавшее живое участие в этих экспедициях, стало богато и могущественно. Хашим в это время был охранителем Каабы – объекта великого почитания арабов, стекавшихся на поклонение ему. Охранение этого камня вверялось только самым почетным родам и семьям, подобно тому как в прежнее время Иерусалимский храм нахо-

дился исключительно на попечении левитов. Охранение Каабы соединено было с гражданскими должностями и с привилегией управлять священным городом.

По смерти Хашима его сын Абд аль-Мутталиб унаследовал его почетные должности и его патриотические чувства. Он освободил священный город от нападавших на него войск и слонов, посланных христианскими князьями Абиссинии, во власти которых находился в то время Йемен. Эти выдающиеся заслуги отца и сына упрочили должность охранителя Каабы за родом Хашима, к великому неудовольствию потомков Абд Шима, питавших глубокую к нему зависть.

Абд аль-Мутталиб имел несколько сыновей и дочерей. Из числа его сыновей история упоминает: Абу Талиба, Абу Лахаба, Аббаса Гамзу и Абдаллаха. Последний был младшим и возлюбленным сыном. Он женился на Аминe, девушке из отдаленной ветви того же знаменитого рода курайшитов. Абдаллах так отличался красотой и качествами, пленяющими женщин, что, если верить мусульманским преданиям, в ночь его свадьбы с Аминой двести девушек из племени курайш умерли от разрыва сердца.

Магомет был единственным плодом этого брака, так мрачно ознаменованного. Его рождение, по тем же преданиям, сопровождалось явлениями, указывавшими на то, что это был необыкновенный ребенок. Его мать не испытала никаких болей во время родов. В момент его появления на свет небеса всей окрестной территории озарились необыкновен-

ным блеском, и новорожденный младенец, подняв глаза к небу, воскликнул: «Велик Бог! Нет Бога, кроме Бога, и я Его пророк».

Небо и земля, как утверждает предание, всколыхались при его рождении. Озеро Сава вернулось к своим тайным источникам, и дно его оказалось сухим, в то время как река Тигр, выйдя из берегов, затопила все окрестные страны. Дворец персидского царя Хосрова был потрясен до самого основания, и многие из башен рухнули на землю. В эту тревожную ночь кади, или судья, Персии увидел во сне дикого, яростного верблюда, укрощенного арабским всадником. Он утром рассказал свой сон персидскому царю и объяснил ему тем, что со стороны Аравии грозит Персии великая опасность.

В ту же знаменательную ночь, по словам тех же преданий, священный огонь Зороастра, поддерживаемый магами непрерывно в течение тысячи лет, внезапно потух, и идолы всего мира упали на землю. Демоны, или злые джинны, скрывавшиеся в звездах и знаках зодиака и имевшие злое влияние на детей, были свергнуты чистыми ангелами и вместе со своим главным вождем Иблисом, или Люцифером, погибли в бездне морской.

Родственники новорожденного ребенка были поражены удивлением и ужасом. Брат его матери, астролог, по гороскопу Магомета предсказал, что он достигнет обширной власти, будет основателем царства и даст людям новую религию. Его

дед Абд аль-Мутталиб на седьмой день после рождения Магомета задал пир всем главным курайшитам и представил им младенца как зарю зарождающейся славы их племени, и назвал его Магометом, или, вернее, Мухаммадом, в указание на его будущее призвание.

Таковы фантастические рассказы мусульманских писателей относительно рождения Магомета; о его детстве мы имеем только такие же басни. Едва прошло два месяца после его рождения, как умер его отец, оставив ему в наследство пять верблюдов, несколько овец и рабыню родом из Абиссинии, по имени Баракат. Мать его – Амина – вначале кормила его своим молоком, но горе и заботы иссушили ее грудь, и так как воздух Мекки был нездоров для детей, то она приискала ему кормилицу из числа женщин соседних племен бедуинов. Последние приходили обыкновенно в Мекку два раза в год, весной и осенью, чтобы брать на воспитание детей горожан; но они преимущественно выбирали детей богатых людей, рассчитывая на обильное вознаграждение, и с презрением отворачивались от бедняков. Наконец, одна женщина, по имени Халема, жена саадитского пастуха, сжалась над беспомощным ребенком и взяла его к себе; жила она в одной из пастушеских долин, раскинутых среди гор.⁵

Много различных чудес рассказывала Халема о своем пи-

⁵ Бану-Саад (или дети Саада – саадиты) относят свое начало к самой отдаленной древности и вместе с арабским племенем катан являются последними представителями первобытных арабских племен. Их долина находится в горах, тянувшихся на юг от Таифа. (Burckhardt. Notes on the Bedouins. V. 2. P. 47).

томце. По дороге из Мекки мул, на котором он ехал, получил вдруг дар слова и громко провозгласил, что ребенок, покоящийся на его спине, будет величайшим пророком, главою небесных посланников, любимцем Всемогущего. Овцы, мимо которых они проезжали, кланялись ему; и когда младенец лежал в своей колыбели и глядел на луну, она из благоговения останавливалась на небе.

Арабские писатели утверждают, что небесное благословение вознаградило Халему за ее великодушие. Пока ребенок оставался под ее кровлей, все кругом нее процветало. Источники и колодцы никогда не высыхали, пастбища вечно зеленели; стада и табуны умножались; дивное плодородие царило на полях, а мир – в ее жилище.

Арабские легенды продолжают далее повествовать о сверхъестественных силах, телесных и духовных, которые этот дивный ребенок проявлял с самых ранних лет. В три месяца он мог уже стоять один, в семь – бегать, а в десять месяцев он мог участвовать вместе с остальными детьми в состязаниях, натягивать лук и метать стрелы. В восемь месяцев он так говорил, что его можно было понять; а в девять он мог свободно разговаривать, проявляя мудрость, удивлявшую всех слушавших его.

Когда ему минуло три года, он однажды играл в поле со своим молочным братом Мафудом; и вот перед ним предстали два ангела в блестящих одеждах. Они нежно положили Магомета на землю, и один из ангелов, Гавриил, раскрыл его

грудь, не причиняя ему ни малейшей боли, вынул его сердце, очистил его от всяких скверн, выжав из него те черные и горькие капли первородного греха, которые мы наследуем от нашего прародителя Адама и которые, таясь в сердце даже лучших из его потомков, наталкивают их на преступления. Вполне очистив сердце, Гавриил наполнил его верой, знанием и пророческим ясновидением и снова вложил в грудь ребенка. Тогда, по уверению тех же писателей, от него стал изливаться таинственный свет, который, начиная с Адама, сиял во всем священном ряде пророков, вплоть до Исаака и Измаила, но который затем погас у их потомков, чтоб снова с еще более лучезарным блеском засиять от лица Магомета.

От этого сверхъестественного посещения, прибавляют арабы, осталась у ребенка печать пророчества между плечами, служившая всю жизнь символом и доказательством его божественного посланничества, хотя неверующим это казалось родимым пятном величиной с куриное яйцо.

Когда Халема и ее муж узнали об этом чудесном посещении ангелов, они устремились, опасаясь, чтоб не случилось какого-нибудь несчастья с ребенком, предполагая, что эти сверхъестественные посетители были из числа злых духов, или джиннов, посещающих уединенные пустыни, причиняя различные несчастья детям. Поэтому кормилица отнесла его обратно в Мекку и передала его в руки Амины.

Он оставался с нею до шести лет, когда она повезла его с собою в Медину, чтобы навестить родственников из племе-

ни Адии, но на обратном пути она умерла и была похоронена в Абве, деревне, расположенной между Мединой и Меккой. Ее могила, как мы увидим дальше, стала для Магомета предметом набожных посещений и нежных воспоминаний в последующие годы его жизни.

Верная раба-абиссинка Баракат заменила теперь мать ребенка-сироте и отвела его к деду Абд аль-Мутталибу, у которого он оставался два года и где он встретил нежную заботу и ласку. Абд аль-Мутталиб был в очень преклонных годах, переступив за пределы срока человеческой жизни. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе старшего своего сына Абу Талиба и поручил Магомета его особенному попечению. Добрый Абу Талиб прижал племянника к своему сердцу и впоследствии всегда по-родственному относился к нему. По смерти отца Абу Талиб унаследовал обязанность охранителя Каабы, и Магомет несколько лет жил в обстановке, где все обряды и церемонии священного дома строго соблюдались. Здесь мы считаем нужным несколько подробнее ознакомить читателей с происхождением Каабы, равно как и с обрядами, преданиями и поверьями, связанными с нею, так как все это имеет очень близкое отношение к исламу и к истории его основателя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Предание о Мекке и Каабе

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, то, по арабским преданиям, они очутились на различных частях земного шара: Адам – на горе острова Серендиба, или Цейлона, а Ева – в Аравии, на берегу Красного моря, там, где в настоящее время находится порт Джидда. Двести лет блуждали они отдельно и одиноко по земле, пока, наконец, ввиду их раскаяния и горя им позволено было сойтись снова на горе Арафат близ Мекки. Преисполненный горя и раскаяния Адам, по словам предания, вознес руки и глаза к небу и умолял Бога о милосердии, прося у Него даровать ему алтарь, подобный тому, которому он поклонялся в раю и вокруг которого витали ангелы, воспевая хвалу Богу.

Мольба Адама была услышана. Храм, или алтарь, из лучезарных облаков был спущен ангелами на землю, как раз под тем самым местом, где находятся его первообраз в небесном раю. К этому нисшедшему с неба ковчегу Адам обращался с тех пор во время молитвы и ежедневно обходил его семь раз, как бы подражая тому, что делали ангелы, прославляя Бога.

По смерти Адама, согласно тем же преданиям, облачный

ковчег исчез или взят был обратно на небо; но другой, сходный по форме, на том же месте был воздвигнут из камня и глины Сифом, сыном Адама. Но и этот алтарь смыт был потоком. Спустя много лет после того, во времена патриархов, когда Агарь и ее сын Измаил умирали в пустыне от жажды, ангел указал им источник или колодец, полный воды, вблизи того места, где прежде находился алтарь. Это был источник Земзем, почитаемый потомством Измаила как священный по настоящее время. Вскоре после того два человека из племени великанов-амалекитян, отыскивая верблюда, убежавшего из их лагеря, нашли этот источник и, утолив свою жажду, привели к этому месту своих товарищей. Здесь они основали город Мекку, приняв Измаила и его мать под свое покровительство. Они вскоре изгнаны были обитателями этой страны, у которых остался Измаил. Когда он возмужал, то женился на дочери владетельного князя и имел от нее многочисленное потомство, считающееся предками арабского народа. В течение этого времени он, по Божьему повелению, предпринял попытку восстановить Каабу на том самом месте, где находился заоблачный алтарь. В этом набожном деле ему помогал отец его Авраам. Необыкновенный камень служил Аврааму подмостками, поднимавшимися и опускавшимися вместе с ним по мере того, как он выводил стены священного здания. Камень и теперь остается там как бесценная святыня, и отпечаток ноги патриарха ясно видят на нем все правоверные. В то время как Авраам и Измаил были заняты

постройкой здания, архангел Гавриил принес им камень, относительно которого древние сказания несколько расходятся: по одним, это был один из драгоценных камней рая, упавших на землю вместе с Адамом; в иле потопа он был впоследствии отыскан архангелом Гавриилом; по более общепринятому сказанию, этот камень был вначале ангелом-хранителем, приставленным к Адаму в раю, но который превращен был в камень и при падении Адама низвергнут вместе с ним в наказание за то, что не был достаточно бдителен. Этот камень Авраам и Измаил приняли с подобающим благоговением и вделали его в угол внешней стены Каабы, где он остается и в настоящее время, причем все правоверные целуют его каждый раз, как обходят вокруг храма. Когда в первый раз камень этот был вделан в стену, он был блестящ и бел, как гиацинт, но постепенно почернел от поцелуев грешных уст смертных людей. При воскрешении он снова примет вид ангела и станет свидетелем пред Богом в защиту тех, которые вполне выполнили все обряды посещения святых мест.

Таковы арабские предания, в силу которых Кааба и источник Земзем являются предметами особенного почитания с самых древнейших времен у всех восточных народов, а в особенности у потомков Измаила. Мекка, вмещающая эти священные предметы в своих стенах, была священным городом за много лет до возникновения магометанства и центром, куда стекались богомольцы со всех частей Аравии. Так глубоко и так всеобщее было уважение к исполнению этих

обрядностей, что ежегодно четыре месяца посвящены были путешествию на поклонение Каабе, и никакое насилие, а тем более никакая война за это время не дозволялись. Враждовавшие племена складывали свое оружие, снимали наконечники с пик и в полной безопасности следовали по самым опасным пустыням и в одеждах богомольцев толпами входили во врата Мекки. Тут они в подражание ангелам семь раз обходили вокруг Каабы, прикасались и целовали таинственный «черный камень», пили и делали возлияние при источнике Земзем в память их предка Измаила и, исполнив все остальные обряды пилигримов, безопасно возвращались домой, чтобы снова взяться за оружие и вести войны.

В числе религиозных обязанностей арабов в те «дни неведения», то есть до возвещения мусульманского учения, пост и молитва играли первенствующую роль. У арабов в течение года существовало три главных поста: один продолжался семь, другой – девять и третий – тридцать дней. Они молились ежедневно по три раза: при восходе солнца, в полдень и при закате, обращаясь лицом по направлению к Каабе, служившей для них киблой, или местом поклонения. У них существовало много религиозных преданий, некоторые издавна перешли к ним от евреев; и они, как говорят, питали свои религиозные чувства чтением псалмов и другой книги, приписываемой Сифу и наполненной нравственными поучениями.

Церемонии и обряды, совершавшиеся в священном зда-

нии, могли с раннего детства наложить свой отпечаток на Магомета, воспитанного в доме охранителя Каабы, и направить его на размышления о религиозных вопросах, которые и поглотили его всецело. Хотя мусульманские биографы его и утверждают, что великая будущность его была ясно предсказана еще в детстве знамениями и чудесами, но, по-видимому, воспитание его велось так же нерадиво, как и воспитание остальных арабских детей, и мы знаем, что он не научился ни читать, ни писать. Впрочем, это был ребенок очень даровитый, наблюдательный и размышлявший обо всем, что видел, одаренный пылким воображением, отважный и общительный. Ежегодный наплыв пилигримов из отдаленных стран превращал Мекку в центр всех летучих сведений, которые мальчик, по-видимому, жадно воспринимал и сохранял в своей богатой памяти; по мере же того как он подрастал, перед ним все сильнее раскрывалась более широкая сфера для наблюдений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первое путешествие Магомета в Сирию с караваном

Магомету минуло двенадцать лет, но, как мы видели, он был развит не по летам. В нем уже пробудилась жажда знания, вызванная общением с пилигримами из разных частей Аравии. Его дядя Абу Талиб наряду с священническим саном охранителя Каабы был и купцом и как один из наиболее предприимчивых торговцев из племени курайш вел заведенные предком его, Хашимом, обширные дела с караванами, торговавшими с Сирией и Йеменом. Приход и отход караванов, стекавшихся у ворот Мекки, производили приятное уличное оживление и действовали возбуждающим образом на такого юношу, как Магомет, перенося его воображение в далекие края. Он не мог более подавлять возникшего жгучего любопытства. И однажды, когда дядя его собирался отправиться с караваном в Сирию и уже садился на верблюда, он неотвязчиво стал просить позволения сопровождать его: «На чье же попечение ты оставишь меня, дядя, когда уедешь?» – сказал он.

Просьба эта тронула нежное сердце Абу Талиба. Он ре-

шил, что юноша уже достаточно взрослый, чтобы выступить на деятельную арену арабской жизни, и может оказать значительные услуги каравану; поэтому он охотно уважил его просьбу и взял с собою в Сирию.

Путь пролегал по странам, богатым баснями и преданиями, которые с увлечением рассказывают арабы при вечерней остановке караванов. Беспредельное одиночество в пустыне, в которой этот кочующий народ проводит большую часть своей жизни, способствует развитию суеверных фантазий; за то же арабы населили ее добрыми и злыми джинами, разукрасили баснословными сказаниями о чудесных событиях, случившихся будто бы в старинные годы.

Во время таких вечерних остановок каравана молодой ум Магомета, без сомнения, воспринял многие суеверия пустыни, которые даже и впоследствии сохранялись в его памяти и имели могущественное влияние на его воображение. Мы отметим здесь два предания, которые он должен был слышать тогда и повествование о которых мы находим в Коране. Одно из них относится к гористой области Хиджаз. Тут, когда караван проходил по безмолвным, пустынным долинам, по склонам гор виднелись пещеры, некогда населенные бану-Тамудами, или детьми Тамуда (тамудитами), одного из вымерших племен Аравии. Вот предание, существовавшее о них.

Это было надменное племя великанов, жившее до времен праотца Авраама. Когда они впали в идолопоклонство, Бог

послал пророка по имени Салех, чтобы вернуть их на истинный путь. Они отказались, однако, повиноваться ему, пока он не докажет им божественности своего посланничества, заставив верблюдицу, носящую во чреве детеныша, появиться из недр горы. Салех стал молиться об этом, и тут гора расступилась и из нее вышла самка верблюда, которая произвела на свет детеныша. Некоторые из тамудитов убедились этим чудом и отпали от идолопоклонства, большинство же продолжало пребывать в неверии. Салех оставил им верблюда как знамение того, что небесная кара постигнет их, если они причинят какое-нибудь зло животному. В продолжение некоторого времени самке дозволялось мирно пастись, уходя утром и возвращаясь вечером. Правда, если она наклоняла голову, чтобы напиться из ключа или источника, то не выпрямлялась, пока не выпивала всё до последней капли, но, возвращаясь, доставляла такое количество молока, что его было достаточно для удовлетворения потребностей всего племени. Но на пастбище она пугала других верблюдов, из-за нее начали оскорблять тамудитов, так что они, наконец, убили ее. Вслед за тем страшный голос и сильнейшие раскаты грома раздались с небес, а на следующее утро все виновники найдены были лежащими навзничь и мертвыми. Таким образом, целое племя было сметено с лица земли, а страна их осталась навсегда под проклятием неба.

История эта произвела такое сильное впечатление на Магомета, что и впоследствии он не разрешал своему народу

располагаться станом вблизи этого места, но торопил всех проходить мимо, считая его проклятым.

Другое предание, услышанное Магометом во время этого путешествия, относилось к городу Эль-Ула, расположенному недалеко от Красного моря.

Место это, как говорят, было населено в древние времена еврейским племенем, которое впало в идолопоклонство и оскорбило святость субботнего дня тем, что занималось в этот день рыболовством; за это старые люди были превращены в свиней, а молодежь — в обезьян.

Мы отметили эти два предания преимущественно потому, что Магомет приводит и то и другое, доказывая, что Бог карает за грех идолопоклонства. Из этого видно, какой интерес возбуждал уже и в то время этот важный вопрос в уме юноши.

Мусульманские писатели, по своему обыкновению, рассказывают о чудесных явлениях, сопровождавших молодого Магомета во все время его путешествия, как о явном доказательстве постоянного покровительства неба. Однажды, когда он проходил по раскаленной песчаной пустыне, ангел незримо носился над ним, осеняя его своими крылами, — чудо, очевидно, основанное не на свидетельстве очевидца; в другой раз его защищало облако, висевшее над его головой во все время полуденного зноя. Был и такой случай: однажды, когда он хотел укрыться под тенью сухого дерева, дерево это тотчас же покрылось листьями и цветами.

Пройдя вдоль окраины древних владений моавитян и аммонитян, часто упоминаемых в Священном Писании, караван прибыл в Босру (или Бостру), лежавшую за Иорданом, в стране, смежной с Сирией и населенной племенем манасехов. Во времена библейские это был город левитов, но теперь он был населен христианами-несторианами и служил торговым центром, куда ежегодно стекались караваны; сюда-то и прибыли наши путешественники для стоянки и расположились станом недалеко от несторианского монастыря.

Абу Талиб и племянник его были радушно приняты братством этих монахов. Один из них, называемый одними Сергием, а другими – Бахарой,⁶ при разговоре с Магометом был поражен его развитием не по летам и заинтересовался его жаждой знания, которая, по-видимому, сосредоточивалась преимущественно на вопросах религиозных. Они часто разговаривали друг с другом об этих предметах, и во время беседы все усилия монаха были направлены главным образом против идолопоклонства, в духе которого до сих пор воспитывался молодой Магомет, потому что несториане ревностно осуждали не только почитание икон, но и простое употребление их, причем щепетильность их в этом отношении доходила до того, что запрещение всяких видимых знаков поклонения распространялось отчасти даже на крест – эту общую эмблему христианства.

⁶ Некоторые утверждают, что два этих имени принадлежат двум различным монахам, разговаривавшим с Магометом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.